

ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

УДК 304.444

DOI: 10.12737/2306-1731-2025-14-4-10-16

Социальные запреты как основа социального взаимодействия: проблемы и противоречия

Social Prohibition as Social Interaction Base: Problems and Contradictions

Получено: 06.09.2025 / Одобрено: 13.09.2025 / Опубликовано: 25.12.2025

Кальней М.С.

Канд. филос. наук, доцент Института высокотехнологичного права, социально-гуманитарных наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», г. Москва, e-mail: marina.kalnej@yandex.ru

Kal'ney M.S.

Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer, Hi-Tech Law, Social and Humanity Sciences Department, Moscow State Institute of Electronic Engineering, Moscow, e-mail: marina.kalnej@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы основ социального взаимодействия. Традиционно неотъемлемой частью социальных взаимодействий были социальные запреты, контроль и принуждение. Философская мысль рассматривала проблему соответствия или несоответствия социальных запретов природе человека. Предлагается анализ социальных запретов в связи не с природными инстинктами человека, а с особенностями социальных взаимодействий как таковых.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, социальный запрет, социальное принуждение, социальный контроль, социальное доверие.

Abstract. The analysis of social interaction base. Social prohibitions, control and constraint traditionally were essential part of social interactions. One of philosophical problems is social prohibition accordance to human nature. Author analyses social prohibitions in connection with social interaction specifics instead of natural instincts.

Keywords: social interaction, social prohibition, social constraint, social trust.

Актуальность. Проблема социального доверия составляет одну из существенных областей социального познания. С одной стороны, сохранение и функционирование системы социальных взаимосвязей возможно только при сохранении доверия – признания истинности и достоверности чего-либо без проверок и доказательств, тогда как возрастание процедур контроля осложняет работу социальной системы. С другой стороны, очевидны те негативные стороны межличностных взаимодействий, которые требуют контроля и ограничений в различных областях человеческой жизнедеятельности. Это противоречие указывает на проблему социального доверия как одной из основ функционирования общества. Историко-философский дискурс прошедших эпох оставляет множество направлений исследования данной проблемы. Так или иначе, они сводятся к поиску такой социальной организации, которая делала бы излишними процедуры контроля и принуждения, а также к исследованию природы человека и необходимости ее ограничения по-

средством социальных запретов. Это указывает на необходимость анализа основ социального взаимодействия между индивидами.

Методы исследования. В исследовании был проделан обзор взглядов различных авторов на взаимосвязь насилия с природой и сущностью социальной организации. Проводился анализ различных типов мотивации человека и соответствующих им типов государства в социально-политическом учении Платона, религиозно-философской концепции государства в учении Аврелия Августина, утопической концепции Т. Мора, представлений В.И. Ленина о государстве как аппарате насилия, проблемы «объективации» в философском наследии Н.А. Бердяева, представлений о различных видах морали в учении Ф. Ницше, рассмотрения изначально хищнической сущности человека в теории государства, разработанной Т. Гоббсом. Также рассматривались взгляды на природу человека в работах А.А. Зиновьева, В.Л. Иноземцева и других современных исследователей основ взаимодействия человека и общества.

Анализ результатов. Функционирование социальной системы требует определения основ взаимосвязей между индивидами. В связи с этим выявляется противоречие, связанное с массовостью общества и отсутствием возможностей непосредственных межличностных взаимосвязей между всеми участниками социальной общности. Социальные взаимодействия в значительной мере основаны на воспроизведении действий других индивидов. Это воспроизведение предполагает доверие к положительному результату повторяемых действий без эмпирической или логической проверки. [14, с. 49] Однако отсутствие возможности продолжительного межличностного контакта как основы доверия между вступающими во взаимодействие индивидами — неотъемлемая черта массового общества и неотъемлемый риск злоупотребления доверием. Иными словами, массовое общество порождает социальную изоляцию, рост процедур социального контроля и применения насилия государственного ради предотвращения насилия криминального. При этом сохраняется потребность в социальном доверии и гармонии межличностных отношений, что и обращает к поиску источника нарушения социального доверия и возникновения необходимости в запретах, контроле и принуждении.

В аспекте общего функционирования социальной системы проблема социального доверия тесно связана с проблемой оптимальной социальной организации. Гармонично организованное общество порождает консенсус всех его участников относительно выполняемых ими функций в социальной системе, соответствующем распределении социальных благ. Вследствие этого исчезает необходимость в принуждении индивидов к выполнению ими их социальных функций, контролю надлежащего выполнения социальных функций и применения к индивидам насилия в случае нарушения ими социального порядка.

Особого внимания здесь заслуживает проблема насилия в общественных отношениях. Если насильтственные действия считаются явлением негативным, то применение государством насильтственных мер рассматривается как отрицательный признак, говорящий о том, что государство неспособно реализовывать свои цели на основе добровольного согласия граждан. Это говорит о несоответствии целей государства потребностям граждан или самой природе человека. Идеалом же объявляется такой род общественного устройства, в котором выполнение социальных функций будет полностью соответствовать природе и потребностям человека, что исклю-

чает необходимость социального контроля, позволяет перейти к обществу, целиком основанному на социальном доверии, что делает излишним применение мер принуждения и насилия.

Исторически первые попытки осмыслиения природы государства и проектов государства, соответствующих природе человека, предпринимали Платон и Аристотель. Заслуживает также внимание концепция государства как явления целиком негативного, что одним из первых утверждал философ и богослов раннего Средневековья Аврелий Августин: «При отсутствии справедливости что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так как и сами разбойничьи шайки есть не что иное, как государства в миниатюре. И они также представляют собою общества людей, управляемые властью начальника, связанны обьюдным соглашением и делят добычу по добровольно установленному закону. Когда подобная шайка потерянных людей возрастает до таких размеров, что захватывает области, основывает оседлые жилища, овладевает городами, подчиняет своей власти народы, тогда она открыто принимает название государства, которое уже вполне присваивает ей не подавленная жадность, а приобретенная безнаказанность» [1, с. 166–167]. Иными словами, источником всякой государственности выступает человеческая склонность к агрессии и насилию. В свою очередь, ее появление философ объяснял вызванными грехопадением человека эгоистическими наклонностями.

Этому типу отношений у Августина противопоставляется социальная гармония Небесного Града: «Итак, мир тела есть упорядоченное расположение частей. Мир души неразумной — упорядоченное успокоение позывов. Мир души разумной — упорядоченное согласие суждения и действия. Мир тела и души — упорядоченная жизнь и благосостояние одушевленного существа. Мир человека смертного и Бога — упорядоченное повинование в вере под вечным законом. Мир людей — упорядоченное единодушие. Мир дома — упорядоченное относительно управления и повинования согласие сожительствующих. Мир града — упорядоченное относительно управления и повинования согласие граждан. Мир небесного града — самое упорядоченное и единодушнейшее общение в наслаждении Богом и взаимно в Боге. Мир всего — спокойствие порядка. Порядок есть расположение равных и неравных вещей, дающее каждой ее место» [1, с. 1029]. Иначе говоря, следование изначально установленному порядку, который нарушило грехопадение, создает гармоничный тип человеческого бытия, полностью

основанный на единстве и доверии, делающий не нужными контроль и насилие. Земная природа человека делает невозможным такого рода сообщество, в силу чего государство (Земной Град) признается явлением негативным по своей природе, основанном на эгоизме и насилии как неотъемлемых его чертах.

В дальнейшем английский философ Т. Мор развивал эту критику государства: «Вору назначают тяжкие и жестокие муки, тогда как гораздо скорее следовало бы позаботиться о каких-либо средствах к жизни, чтобы никому не предстояло столь жесткой необходимости сперва воровать, а потом погибать» [4, с. 31–32] Иначе говоря, государство применяет репрессивные меры против нарушения социального порядка, но не принимает мер для искоренения того, что порождает эти нарушения. Из этого следует вывод, что негативные социальные явления искореняются не применением насилия, а созданием гармоничного социального порядка, исключающего причины правонарушений.

Классические утопии Возрождения и Просвещения были посвящены проектам такого социального устройства. Новую интерпретацию проекта гармоничного социального порядка дала марксистская философия. Здесь неотъемлемым источником социальных противоречий считалась частная собственность и связанное с ней классовое расслоение. Отсюда следует, что государство как институт охраны частной собственности и защиты интересов привилегированного класса само порождает те явления, которые искореняет мерами государственного насилия: «Эксплуататорским классам нужно политическое господство в интересах поддержания эксплуатации, т.е. в корыстных интересах ничтожного меньшинства, против громаднейшего большинства народа. Эксплуатируемым классам нужно политическое господство в интересах полного уничтожения всякой эксплуатации, т.е. в интересах громаднейшего большинства народа, против ничтожного меньшинства современных рабовладельцев, т.е. помещиков и капиталистов» [7, с. 24]. Иными словами, господство, принуждение, контроль и насильственные меры изначально служили средством поддержания порождающего их порядка. Создание социальной организации, соответствующей интересам большинства, сделает ненужными меры социального контроля и принуждения.

Противоречивые стороны, обнаружившиеся в поисках и попытках реализации социального идеала, привели к новому осмыслению проблемы насилия как части общественных процессов. В работе «Судьба человека в современном мире» русский

философ-экзистенциалист Н.А. Бердяев указывал на двойственность судьбы человека: «Человек принужден жить в двух разных порядках, в порядке существования, всегда личного, хотя и наполненного сверхличными ценностями, и в порядке мира объективированного, всегда безличного и к личности равнодушного» [2, с. 483]. Иначе говоря, проблема социального доверия и искоренения насилия как части общественной практики противоречит самой природе «объективированного» бытия, включающего в себя и бытие социальное.

В качестве решения данной проблемы мыслитель рассматривал особое духовное преобразование: «Достоинство человека – в его жизни, а не в смерти, в соединении духа с плотью, а не в отделении духа от плоти, в соединении индивидуальной судьбы личности с исторической судьбой мира, а не в отделении личной судьбы от мировой» [2, с. 342]. Это означает такое развитие духовных и творческих начал, которое преодолеет проблему отчуждения, лежащую в основе кризиса доверия в обществе и подавления личности обществом.

Иной аспект моральных норм наблюдается в учении Ф. Ницше, разделявшего «мораль господ» и «мораль рабов». Философ рассматривал существующие моральные запреты и предписания как «правила поведения, соответствующие степени опасности, среди которой отдельная личность живет сама с собою; это рецепты против ее страстей, против хороших и дурных склонностей, поскольку они обладают волей к власти и желали бы разыгрывать из себя господина» [10, с. 700]. Иными словами, мораль интерпретируется как средство подавления природных инстинктов человека. В противоположность этому мыслитель предлагал мораль, основанную на признании человеком потребностей своей природы. С одной стороны, оно основано на признании права сильного, с другой, само это признание служит основой развития высших качеств человека: «Без пафоса дистанции, порождаемого всплещенным различием сословий, постоянной привычкой господствующей касты смотреть испытывающие и свысока на подданных, служащих им орудием, и столь же постоянным упражнением ее в повиновении и повелевании, в порабощении и умении держать подчиненных на почтительном расстоянии, совершенно не мог бы иметь места другой, более таинственный пафос – стремление к увеличению дистанции в самой душе, достижение все более возвышенных, более редких, более отдаленных более напряженных и широких состояний, словом, не могло бы иметь места именно возвышение типа

«человек», продолжающееся «самопреодоление» человека, если употреблять моральную формулу в сверхморальном смысле» [10, с. 755].

Это означает представление о неравенстве различных типов людей. Если моральные нормы носят уравнивающий и ограничительный характер, то признание неравенства людей приводит к выводу о двух различных типов морали для различных типов людей. В одном случае поведение регулируется посредством запретов и контроля, в другом – мотивацией к достижению высших целей, поставленных себе самой личностью в результате ее добровольного волеизъявления. Таким образом, противоречия общественной практики сводятся к искаженному типу морали, а решение данного противоречия связано с выделением особой группы, создающей соответствующую своим потребностям мораль.

В связи с этим заслуживает внимания точка зрения экономиста и социолога В.Л. Иноземцева на социальное неравенство в постиндустриальном обществе: «В пределах развитых постиндустриальных стран формируется новое социальное расслоение, возникают барьеры, разделяющие работников интеллектуальной сферы и тех, кто не может включиться в информационно- и научноемкое производство ввиду отсутствия необходимых способностей усваивать информацию и превращать ее в новые знания. В отличие от традиционного имущественного неравенства, порождавшего классовые конфликты на протяжении всей истории экономического общества, новый тип социальной разделенности имеет качественно иную природу. Современное неравенство проистекает из коренного различия базовых ценностей и несопоставимости интеллектуальных способностей членов общества, предопределенной генетически и социально» [6, с. 22]. Иначе говоря, существуют различные типы людей с различной системой ценностей, уровнем способностей, мотивационной сферой. Это различие служит базой социального неравенства.

Особого внимания здесь заслуживает проблема возникновения такого рода расслоения. Склонность людей к «высокой» и «низкой» культуре объясняется либо наследственностью, либо влиянием социального окружения [13]. Если в одном случае разрыв между социальными слоями непреодолим, то в другом случае решение проблемы сводится к разработке мер по раннему развитию склонностей к «высокой» культуре. Предполагается, что в этом последнем случае целью общества является развитие мотивационной сферы и системы ценностей,

снижающей или исключающей необходимость в мерах социального контроля и принуждения. В случае же признания генетически обусловленного различия двух типов культуры следует вывод о необходимости системы запретов, принуждения и контроля для носителей культуры «низкой», с отсутствием необходимости в подобного рода мерах для носителей культуры «высокой».

Истоки такого рода представлений усматриваются в трактате Платона «Государство», где философ рассматривал различные типы государственного устройства и соответствующие им типы природы человека [11, с. 545–577]. Общеизвестно, что целью утопии Платона было достижение высшего типа государственного устройства и высшего типа человеческой личности. В дальнейшем появился жанр антиутопии как критика такого рода проектов. В одной из наиболее известных антиутопий «пролы» представляют собой «предположительно примитивный и, вероятно, неразумный мир, который существовал, остро контрастируя с регламентированным характером “официального” порядка» [12, с. 218]. Из этого был бы возможен вывод о двух системах социального контроля: одна с более жесткими и тоталитарными мерами воздействия для более высокой социальной страты, для другой воздействие на низшую социальную страту ограничено самыми необходимыми мерами социального контроля. Следовательно, в тоталитарном обществе низшая социальная страта означает сферу свободы от тоталитарного контроля и террора. Однако фактически «пролы» испытывали недостаток в любом виде политического сознания, исключая своего рода «примитивный патриотизм», отвечающий интересам государства» [12, с. 219]. Это указывает не столько на свободу социальной страты, сколько на различные методы воздействия в применении в различным социальным типам.

В связи с этим заслуживает внимания тот факт, что в утопическом проекте Платона эгоистические и потребительские инстинкты считались низшим проявлением человеческой природы, той ее частью, которая требует трансформации в соответствии с идеалом человека. В антиутопии же Оруэлла социальная инженерия трансформируется в ставшее самоцелью подавление человеческой личности, а наиболее близкими к природе человека оказываются те социальные страты, потребности и мотивация которых ограничены низшими потребностями.

Следовательно, природа человека изначально основана на эгоистической и потребительской мотивационной сфере, что означает и неизбежность

сохранения в государстве социального контроля и принуждения в противоположность проектам достижения идеала социального доверия и социальной гармонии. Эту точку зрения выразил Т. Гоббс в своем трактате о сущности государства: «Если бы мы могли предположить, что большая масса людей согласна соблюдать справедливость и естественные законы при отсутствии общей власти, держащей их в страхе, то мы с таким же основанием могли бы предположить то же самое и относительно всего человеческого рода, и тогда не существовало бы, да и не было бы никакой необходимости в гражданском правлении или государстве, ибо тогда существовал бы мир без подчинения» [3, с. 130–131]. Таким образом, английский философ указывал на изначально хищническую и эгоистическую природу человека, а социальные запреты, контроль и принуждение считал необходимыми мерами для ограничения природных хищнических инстинктов.

Особой разновидностью такого подхода выступает социал-дарвинизм, рассматривающий склонность к конкуренции и потреблению как основу человеческого и социального бытия. Следовательно, наиболее гармоничным был бы тип общества, сводящий все социальные процессы к минимально ограниченной социальным контролем борьбе за ресурсы. С одной стороны, в этом обществе социальное принуждение считается излишним, искажающим и подавляющим природные склонности человека, с другой стороны, в условиях всеобщей конкуренции социальное доверие представляется заведомо несущественным состоянием общества.

Таким образом, одной из существенных проблем общества является проблема социального доверия. Основное противоречие здесь заключается в потребности людей в социальных связях, основанных на доверии с одной стороны и риске злоупотребления доверием – с другой. Различные мыслители предлагали различные подходы к решению этой проблемы. Наиболее распространенным было представление о недостатке социального доверия, вызванного неправильной организацией социальной системы вследствие грехопадения человека (Августин) или «объективации», искажающей человеческое отношение к миру и к другим людям (Бердяев). С материалистической точки зрения искаженная социальная организация рассматривалась как источник тех проявлений, которые требуют контроля и принуждения. Здесь основное социальное противоречие было связано с неправильным распределением собственности (Т. Мор) или с институтом частной собственности как таковой (марксизм).

Не меньшего внимания заслуживают представления и о том, что проблема недоверия и насилия в обществе связана с социальностью как таковой, порождающей искажающие природу человека насилие и контроль. Здесь решением этого противоречия предлагалась выработка такого типа личности, у которого мотивация и система ценностей исключают необходимость в социальном контроле и принуждении. Отсюда позднее развились представления о различных типах культуры, сохранении социального контроля и принуждения к носителям культуры «низкой» и отсутствии необходимости данных мер для носителей культуры «высокой».

Столь же распространены и представления о том, что социальный контроль и государственное насилие являются не столько следствием искаженной социальной организации, сколько необходимым средством для ограничения и контроля природных инстинктов человека. Особой разновидностью представлений о природной склонности человека к агрессии служит учение о необходимости признания за человеком свободы проявления данных инстинктов и организации общества по принципу «естественному отбора».

Общим для всех этих направлений философской мысли является поиск соотношения между природой человека и природой социальных запретов: в одном случае социальные запреты рассматриваются как противоречащие по тем или иным причинам природе человека, в другом – как закономерное следствие природы человека. Однако заслуживает внимание и представление о том, что отсутствие социального доверия, потребность в социальном контроле, запретах и принуждении порождается не природой, а социумом как таковым. При этом социум не рассматривается как феномен, изначально противоречащий природе человека, также не рассматривается и проблема несоответствия природе какого-либо конкретного типа социальной организации.

Эту точку зрения выражает российский философ А.А. Зиновьев в своем анализе проблем социального бытия: «Коммунальные правила не есть нечто только негативное. Они вообще не есть негативное. Они – объективное. Они порождают следствия, которые какие-то люди воспринимают как негативное. Но они же порождают и средства защиты от них. Поскольку людей много и каждый действует в силу правил коммуналности, люди так или иначе вынуждены ограничивать друг друга, создавать коллективные средства самозащиты» [5, с. 237]. Иными словами, социальные запреты и контроль выступа-

ют необходимой мерой, но ограничивающей не природные инстинкты человека, а те стороны его поведения, которые развились вместе с переходом человека к собственно социальной организации бытия.

Сходной позиции придерживается английский зоолог Д. Моррис: «Переосмыслив идею о том, что “закон запрещает человеку делать только то, что он склонен делать инстинктивно”, мы можем переформулировать ее так: “Закон запрещает человеку делать только то, что искусственно созданные условия цивилизованного общества вынуждают его делать”» [9, с. 39–40]. Таким образом, проблема социальных запретов и принуждения связана не с генетически наследуемыми инстинктами, а с исторически сложившимися типами человеческого бытия, каждый из которых порождает действия, призванные в данном социальном объединении неприемлемыми и требующие мер по ограничению недопустимых действий.

В этом случае социальные запреты, социальный контроль и социальное принуждение рассматриваются как неизбежное следствие перехода человека от природного бытия к социальному. В этом случае проблема социальной гармонии сводится к консенсусу по поводу распределения социальных благ и системы защиты принятого в социуме порядка распределения социальных благ. Одним из первых необходимость такого консенсуса выявил Н. Макиавелли: «Большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь и имущество; так что недовольным может оказаться лишь небольшое число честолюбцев, на которых нетрудно найти управу» [8, с. 163]. Иначе говоря, социальное бытие предполагает выработку системы распределения социальных благ. Индивиды принимают данную систему в случаях, когда она соответствует их интересам, а случай несоответствия порождает критику существующих запретов, сопутствующих им мер принуждения и контроля.

Выводы

1. Одной из проблем социального познания была проблема поиска основ социального взаимодействия. Изначально социальные запреты, контроль

и принуждение выступали неотъемлемой чертой социальных систем, что и служило основой критики социальной системы как несправедливой, основанной на насилии, несоответствующей сущности и природе человека. Несправедливо организованная социальная система рассматривалась как источник того социального зла, которое система стремится искоренить узаконенными в данной социальной общности мерами насилия.

2. Альтернативой этим взглядам выступали представления о склонности к насилию как неотъемлемой составляющей природы человека и, как следствие, о необходимости социальных запретов и контроля как основы социального взаимодействия. Особое место здесь занимают представления, признающие агрессию и насилие как сущность человека и требующие организации общества на основе «борьбы за выживание» как наиболее соответствующего природе человека, тем самым отрицая социальное доверие как основу социальных взаимодействий.
3. Особое место в этой системе взглядов занимают представления о существовании различных типов личности (или социальных страт) с различным уровнем культуры, видами потребностей, мотивационной сферой. На этом основании возможны выводы о наличии различных систем социального контроля для различных социальных страт в соответствии с их социокультурными установками и ценностно-мотивационной сферой.
4. Для снятия противоречия между двумя этими системами взглядов предлагается рассмотреть представления о том, что социальные запреты порождаются не природой человека и не исаженной социальной организацией, а фактом существования социума как такового. Это позволяет признать агрессию не природным инстинктом, требующим ограничения и не реакцией на несправедливую организацию социума, требующую социальных преобразований, а одним из видов социального взаимодействия, требующим выработки мер по упорядочению её проявлений.
3. Гоббс Т. Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Текст] / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.
4. Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. Социальные утопии [Текст] . – М.: Правда, 1989. – 616 с.
5. Зиновьев А.А. Фактор понимания [Текст] / А.А. Зиновьев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 528 с.

Литература

1. Аврелий Августин. О Граде Божием [Текст] / Аврелий Августин. — Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. — 1296 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея [Текст] / Н.А. Бердяев. — М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. — 832 с.

6. Иноzemцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы [Текст] / В.Л. Иноzemцев. — М.: Логос, 2000. — 187с.
7. Ленин В.И. Государство и революция [Текст] / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. — Т. 33. — М., 1974. — 434 с.
8. Макиавелли Н. Государь [Текст] / Н. Макиавелли. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 512 с.
9. Morris D. Людской зверинец [Текст] / Д. Morris. — М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2021. — 352 с.
10. Ницше Ф. Так говорил Заратустра [Текст] / Ф. Ницше. — М.: Эксмо, СПб.: Мидгард, 2005. — 1024 с.
11. Платон. Собрание сочинений в 3 т. — Т. 3 [Текст] / Платон. — М.: Мысль, 1994. — 656 с.
12. Уилсон Д. История будущего [Текст] / Д. Уилсон. — М.: ACT. ACT Москва: Хранитель, 2007. — 286 с.
13. Mads Meier Jæger, Stine Møllegaard. Where Do Cultural Tastes Come From? Genes, Environments, or Experiences // Sociological Science. V. 9, May 2022, pp. 252–274
14. Rossman G. The Diffusion of the Legitimate and the Diffusion of Legitimacy // Sociological Science. 2014, V. 1, pp. 49–64.

References

1. Avreliy Avgustin. O Grade Bozh'em [On God's Town]. Minsk: Harvest; M.: AST, 2000. 1296 p.
2. Berdjaev N.A. Russkaja ideja [Russian idea]. M.: Eksmo; SPb, Midgard, 2005. 832 pp.
3. Gobbs T. Leviathan ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo I grazhdanskogo [Leviathan or Matter, form and power of state civil and clerical]. M.: Mysl', 1991. 731 pp.
4. Zarubezhnaya fantasticheskaya proza proshlykh vekov. Sotsial'nye utopii [Foreign fantastic of last centuries. Social utopias]. M.: Pravda Publishers, 1989. 616 pp.
5. Zinov'ev A.A. Understanding factor [Faktor ponimaniya]. M.: Algoritm, Eksmo, 2006. 528 pp.
6. Inozemtsev V.L. Sovremennoe postindustrial'noe obshchestvo: priroda, protivorechija, perspektivy [Contemporary post-industrial society: nature, contradictions, perspectives]. M.: Logos, 2000. 187 pp.
7. Lenin V.I. Gosudarstvo I revolyutsija // Polnoe sobranie sochineniy. T. 33 [State and Revolution // Essays. V. 33]. M., 1974. 434 p.
8. Makiavelly N. The Prince [Gosudar']. SPb, Azbuka, Azbuka-Atticus, 2019. 512 pp.
9. Morris D. The Human Zoo [Ludskoy zverinets]. M.: Kolibri, Azbuka-Atticus, 2021. 352 p.
10. Nietsshe F. So Zaratustra Told [Tak govoril Zaratustra]. M.: Eksmo, SPb, Midgard, 2005. 1024 p.
11. Plato. Sobranie sochineniy v 3 t. T. 3 [Collection of Works at 3 vv. Vol. 3]. M.: Mysl', 1994. 656 p.
12. Wilson D. Istoryia budushshego [The History of Future]. M.: AST. M.: AST Moskva Khranitel', 2007. 286 p.
13. Mads Meier Jæger, Stine Møllegaard. Where Do Cultural Tastes Come From? Genes, Environments, or Experiences // Sociological Science. V. 9. May 2022, pp. 252–274.
14. Rossman G. The Diffusion of the Legitimate and the Diffusion of Legitimacy // Sociological Science. 2014, V. 1, pp. 49–64.